

К.В.Каспарова

**Отзыв на диссертацию В.Е. Еременко
«Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского
времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры»¹,
представленную к защите на соискание ученой степени к.и.н.**

A Comment on VE Eremenko's Dissertation "The Lateneisation Process of Archaeological Societies in Late Pre-Roman Time in the Eastern Europe and Development of Zarubintsy Culture".

K.V. Kasparova, VE Eremenko's opponent, is quite positive about his work in general, though she makes a number of comments. She does not agree, in particular, with the too early date of the stage C_{1b} in La Téne (225-190 BC); again, she is not quite convinced with an attempt to distinguish a stage on Zarubintsy sites, preceding the marches of Bastarnae to the Balakans in 179-168. She also points out a number of inaccuracies, particularly, in synchronisation of phases on the cemeteries of Poienesti, Lukashevka and Dolineni.

Зарубинецкая культура давно привлекает внимание ученых в связи с изучением этногенеза славян, в котором роль ее спорна. Исследованию культуры в разных аспектах посвящено немало работ. О происхождении культуры существует несколько гипотез, в том числе и рассматриваемая в защищаемой работе. Признается и зависимость формирования культуры от общеевропейских процессов латенизации, но о его сущности мнения противоречивы. Вопросы эти изучены недостаточно и неравноценно. А между тем в отечественной науке господствует концепция автохтонного происхождения зарубинецкой культуры с признанием незначительного участия пришлого компонента, и лишь кельтским воздействием объясняется ее латенизированный облик.

Поэтому очень актуально появление специальной работы, где последовательно рассмотрены процессы латенизации и, как один из них — сложение зарубинецкой культуры. В этом и новизна защищаемой диссертации. Круг вопросов, поднятых в ней, обширен: они охватывают период от IV до I вв. до н.э. на землях от Эльбы до Днепра и от Южного Причерноморья до Верхнего Днепра. Не все положения диссертанта оригинальны, но многие он обстоятельно и убедительно развивает, предлагает свои решения и гипотезы. Автор сам отмечает их дискуссионность, и это определяет еще одну сторону новизны в работе, но естественно, открывает и широкое поле для критики. Такая большая работа сложна для краткого отзыва, и я позволю себе не рассматривать все ее достоинства — они видны невооруженным глазом, а остановлюсь на разборе и критике тех разделов, которые, по-моему, того заслуживают.

Несколько общих замечаний. Структура работы отличается строгой логичностью и соответствует поставленным задачам; аспекты изучения процессов латенизации и сложение зарубинецкой культуры выбраны удачно и четко сформулированы. Четыре раздела диссертации написаны в соавторстве, их следовало бы представить в более сжатом виде; работа от этого не потеряет свою целостность. Это разделы об исторической экспансии кельтов, в соответствие с хронологией эпохи Латена, и хронология памятников Закарпатья (последние не столь важны для основной темы, ибо уже давно ясно, что не они послужили базой для распространения процесса латенизации). Тем более вышла уже и работа М.Б.Щукина (Shchukin 1989), где рассмотрены вопросы хронологии Латена. Множество ссылок к этим разделам не всегда оправданно увеличивают и без того огромный список литературы. Сокращен мог быть и раздел о корреляционном методе П.Райнеке — в принципе, это азбука хронологических разработок, достаточно было бы некоторых дополнений диссертанта.

В первом разделе необходимо отметить интересную гипотезу диссертанта о возможности уточнения спорной даты начала ступени Латена C₁, и она согласуется с новыми данными по хронологии эпохи Латена. Однако, для Восточной Кельтики и зарубинецкой культуры предлагаемые даты C_{1b} (225/190 гг. до н.э.), я думаю, занижены. Если запаздывание появления фибул в Карпатской Котловине по отношению к Италии признается диссертантом возможным, то почему не может быть аналогичная ситуация по отношению к зарубинецкой территории? Единичные ранние типы попали туда на исходе

¹ (Еременко 1990); опубликована с изменениями и дополнениями (Еременко 1997).

их моды в латенских культурах, возможно, в период непосредственно связанный с походами бастарнов 179—168 гг., т.е. близки дате фибул зарубинецкого типа. Не убеждает и синхронизация ранних лукашевских погребений с фибулами варианта В и поселений с амфорными клеймами 200—180 гг. до н.э. В следующем разделе на основании анализа ранних импортов в Гетике и Скифии, в античных городах автор приходит к важному выводу: их основная часть не относится к периоду, непосредственно предшествующему формированию латенизированных культур, их незначительное попадание в Поднестровье и Поднепровье не могло явиться причиной начала латенизации местных культур.

Рассматривая аргументы сторонников местного происхождения зарубинецкой и поянештской культур, В.Е.Еременко отвергает их методы сопоставления культур новых и предшествующих, но в противовес не дает более серьезные разработки, его аргументы держатся на хронологии импортов. Это важно, но лакуна между культурами выглядит обоснованной, если только совсем не брать в расчет культурно-типологическое сходство их основных элементов. Так ли это бесспорно? На всех материалах поселений исследуемых культур присутствует керамика, которую действительно нельзя связать ни с какой другой, кроме скифской, поморской или гетской: горшки с раздутым туловом и ямочками по венчику, «поморские» типы с орнаментом «шахматными» зашипами, фрагменты клошей, имитация черепками каменного ящика в погребениях, сосуды-приставки и др. Этого нет ни в кельтской, ни в ясторфской культурах. Думаю, что мнение Т.Домбровской о доживании поморского населения до конца III и начала II вв. до н.э. относится и к нашей территории: местный субстрат нельзя совсем исключить ни в Поднестровье, ни в Поднепровье. Рассматривая ряд памятников Поднепровья и опираясь на свод Н.М.Онайко, диссертант почему-то некоторые пропустил, не оговаривая, хотя они датированы III — II вв. (с. 71, 73, 190, ср.: Онайко 1970, № 595, 596, 603, 720 и др.).

Несмотря на необходимость ряда уточнений в этой проблеме, автор безусловно прав: ни зарубинецкая, ни другие латенизированные культуры не образовались путем прямой эволюции местных. Существенным вкладом диссертанта в хронологические разработки изучаемого периода является синхронизация фаз позднего предримского времени и ступеней Латена с учетом новых данных. Он корректирует схему Р.Хахманна на его же исходном материале, без включения новых разработок по ясторфскому региону, что и не требуется для данной темы. Однако, хотелось бы в итоговую таблицу ввести периодизацию поянештских памятников, а зарубинецкие не ограничивать Полесьем, представленным, кстати, бедно и неточно. Неясно,

почему в могильнике Каммер не учтены важные для хронологии ранние фибулы позднелатенской схемы.

Вопросы, связанные с процессом латенизации в разных ее проявлениях, исследуются западными учеными (З.Возьяк, К.Годловский, Р.Волонгевич, Н.Венцова и др.), в диссертации это можно было отразить полнее. В нашей же литературе специально они не рассматривались, а такой раздел в диссертации очень важен. Здесь рассмотрена зона кельтско-ясторфского пограничья, где начался процесс латенизации местных культур еще в Латене В_{2b}, анализирован один из окраинных ясторфских могильников — Любошице, внесены коррективы в его периодизацию. Попутно замечу, что в корреляционные таблицы вкрались неточности: например, в погребении 45 отсутствует фибула варианта А; в погребении 139 не учтена миска (Domanski 1975: табл. VII,с; XV,е): в результате погребение 45 попало не в I фазу, а в III.

Проведенный в следующем разделе хронологический анализ трех могильников поянештской культуры подтверждает связь их происхождения с ясторфской периферией. Основные положения диссертанта убедительны и соответствуют концепции М.Бабеша, развернутой в последних статьях. В защищаемой работе их не следовало бы игнорировать, это только усилило бы позиции диссертанта. Не буду утомлять уважаемых членов Ученого Совета перечислением конкретных замечаний (они переданы диссертанту), отмечу только, что некорректность в корреляционных таблицах указывает на своего рода нечистый эксперимент и портит хорошую работу. Кроме того, здесь мне спорной представляется синхронизация фаз могильников, исходя из данных самого диссертанта: фибулы варианта В диагностируют 3 фазу в Поянешти, 2 — в Лукашевке и 1 — в Долинянах, но на синхронизационной таблице фаза 1 Долинян совмещена с фазой 3 Лукашевки, хотя вариант В более характерен для Латена С₂, а не D₂. Эта синхронизация неверна уже потому, что в Долинянах есть поясные крючки, соответствующие 2 фазе Поянешти.

В IV главе диссертант рассматривает аргументы, позволяющие синхронизировать ранние зарубинецкие и поянештские комплексы с Латеном С_{1b}, т.е. с 225—190 гг. Для этого необходимо доказать существование в культуре начальной фазы, не связанной с балканскими походами бастарнов, т.е. до 179—168 гг. Лишь после них в зарубинецкой культуре появились характерные фибулы и она полностью сложилась. Эта задача решается исследованием двух могильников — Воронино и Корчеватое. Первый исследован при помощи кластерного метода и отдельной корреляции мужских и женских погребений, выделенных по археологическим признакам. Последнее мне представляется положительным, хотя и спорным. Но не могу согла-

ситься с некоторыми выводами. Остановлюсь на одном моменте. При рассмотрении хронологии фибул было определено, что расчлененные появляются раньше, чем вариант В, но в Воронино обратная последовательность, которую автор объясняет переживанием этих форм и тем, что иначе «нарушится вся корреляционная последовательность». Здесь ситуация сомнительна, т.к. эта фибула расчлененно-зарубинецкого типа, т.е. одна из тех, которые могли появиться после балканских походов, по мысли автора, во II фазе, и этим как бы предопределено ее место. Построение всего хронологического ряда неубедительно при сопоставлении с другими могильниками Полесья, а Воронино — наименее репрезентативный. Тем более неубедительна такая фаза в Корчеватовском могильнике. Здесь нет ни кластерной, ни обычной типологии керамики. Неясно, к примеру, отличие горшков ХИ-6 и 8, попавших в разные фазы, отнесение миски ХИ-13 к фазе 3 и др. Вместо Корчеватого уместнее было бы рассмотреть Пироговский могильник. Я думаю, что на материалах здесь использованных доказать наличие «добалканской» фазы и удревнение даты до 225—190 гг. не удастся. Удревнение вообще вполне допустимо, но не обязательно связывать первые зарубинецкие погребения с первыми упоминаниями о бастарнах.

Интересные и новые результаты дала разработка В.Е. Еременко материалов могильника Чаплин. В них прослеживаются связи с ясторфской культурой (в т.ч. Ютландии), с оксывской, с позднескифскими памятниками. «Столь странный симбиоз культурных компонентов» диссертант объясняет известной по письменным источникам легендой о переселении кимвров-кельтоскифов, живущих в окрестностях Меотиды. Гипотеза действительно объясняет много неясного прежде в своеобразии верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры. По В.Е.Еременко, могильник возник около 150—120 гг., после походов бастарнов: здесь не выделена фаза, синхронная Воронино и Корчеватому, и фибулы варианта В в хронологическом

ряду не стоят раньше зарубинецкого типа, как в Воронино. Хотя погр.142 с фибулой, близкой варианту А, по логике предыдущих хронологических рассуждений, должно бы соответствовать фазе С_{1b}, также как и погребения с фибулами I/II вариантов зарубинецких, которые в Полесье сочетаются с дериватом расчлененной. Эти несоответствия неубедительно трактуются, или не замечены автором, увлеченным интересной гипотезой. Думаю, диссертант прав, предложив свою типологию позднелатенских фибул из Чаплина и связав происхождение слабопрогнутых с рейнско-дунайскими землями, а прогнутых — с пшеворской и оксывской культурами.

Этой главой по сути дела исследование можно было завершить. Но В.Е.Еременко останавливается еще на некоторых вопросах, дополняет работу интересными наблюдениями и выводами, с большинством которых нельзя не согласиться.

В Заключении резюмированы результаты этого большого, сложного и интересного исследования, четко сформулированы выводы. Несмотря на их дискуссионность и излишнюю порой категоричность, для меня они в основном убедительны, но я пристрастна, так как сама придерживаюсь почти таких же взглядов. Необходимо отметить бесспорную ценность приложений — каталогов памятников и альбома иллюстраций, которые являются крайне важным разделом работы, характеризующим ее высокий профессиональный уровень.

Защищаемая работа является полноценным научным исследованием, несомненным вкладом в науку. Диссертант успешно справился с поставленными сложными задачами, но явно хотел объять необъятное, в результате чего возникли неточности, замечания, которые ни в коей мере не снижают значимости исследования. Она соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям, а автореферат — содержанию работы; основные ее положения опубликованы. Диссертант безусловно заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук.

ЛИТЕРАТУРА

- Еременко В.Е. 1990. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры. Автореф. канд. дисс. Л.
 Еременко В.Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб.
 Онайко Н.А. 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н.э. САИ ДІ—27. М.

- Domański G. 1975. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III—I wieku p.n.e. Wrocław.
 Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st century B.C. — 1st century A.D. // BAR. — International Series. №542. ТТ.1—2.

**Отзыв о рукописи статьи А.М.Обломского
«К вопросу о классификации и хронологии зарубинецких фибул с треугольным
щитком»¹.**

A Comment on the Manuscript of Article by A.M. Oblomskii "On Classification and Chronology of Zarubintsy Fibulae with a Triangular Shield".

K.V. Kasparova is rather friendly, though quite critical about the commented article. First of all, she criticises the author for weak knowledge of modern European literature (Godłowski, 1977, 1977a; Woźniak 1977; 1979) and citation of apparently obsolete works (Hachman 1961). In particular, the initial date of La Tène D1 has been changed already; it was earlier based on the wrong dating of the fall of Celtic oppidum Manching in 15 BC. Second, for a number of inaccuracies committed in description of fibulae, statements of various researchers' views, etc.

Предложенная статья касается темы, разработка которой весьма актуальна. Интересен и подход автора к уточнению классификации фибул — применение в качестве основных типологических признаков строгих параметров: измерения определенных частей предмета и их соотношений.

Такой, наиболее объективный подход к определению границ вариантов, бесспорно, заслуживает внимания. Еще важнее другая часть статьи — рассмотрение относительной и абсолютной хронологии фибул зарубинецкой культуры. Нет сомнений, что поднятые вопросы представляют интерес для читателей «Советской археологии». Тем более что классификации этих фибул уже существуют и приняты исследователями, а в хронологии много спорных моментов. Иначе говоря, написание статьи на подобную тему — задача ответственная и сложная. Мне представляется, что А.М.Обломский подошел к ней недостаточно серьезно и излишне поспешно, хотя явно проделал большую работу.

Во-первых, предложенная им классификация фибул с треугольным щитком по существу основана на тех же принципах, что и типология А.К.Амброза, ставшая классической (Амброз 1966). А.К.Амброз далеко не так произвольно определял свои варианты, как это представляется А.М.Обломскому. Учтены были те же самые соотношения размеров щитка и ножки («1:1»; «более половины общей длины» — см.: Амброз 1966:17 сл.), не говоря уже об учете других деталей. Только что он не строил графиков. Полагаю, что совершенно напрасно А.М.Обломский отказался от членения фибул зарубинецкого типа («зарубинецких») на варианты — как сделано у А.К.Амброза, а разбивает их на «типы», ничем это не обосновывая.

Определения «типов» этих фибул из зарубинецких могильников (табл.2), согласно системе расчета А.М.Обломского, во многих случаях совпадает с вариантами А.К.Амброза и других исследователей. С некоторыми поправками А.М.Обломского можно согласиться. Но большинство определений вызывает сомнения и решительные возражения. Если бы автор следовал не только расчету, а руководствовался простым сравнительным анализом, то фибулы

из погребений №№ 66 Велемичей I, №№ 84, 85 Велемичей II и фибулы из погребений №№ 103 и 127 Велемичей I не попали бы в разные «типы» (см.: Кухаренко 1961: табл.18, 27; 22,16,17; 23, 6, 7; Каспарова 1972: рис.19,2—5). Примеров можно привести много. Кстати, в этой табл.2 допущены ошибки: в погребении № 92 Велемичей I не две, а одна фибула; в погребении № 31 Велемичей II указано две, но там нет ни одной; в погребении № 104 не две, а три; не указаны фибулы в погребении № 4 Велемичей I, а там их две. Кроме того, в погребениях №№ 6 и 95 Велемичей I тоже по две фибулы, и их изображения в публикациях не хуже других, использованных А.М.Обломским для обмеров.

Во-вторых, определения и измерения значительной части (если не всех) фибул автором произведены не по оригиналам, а по их не всегда удачным изображениям, в отличие от А.К.Амброза, державшего в руках 90% изучаемого материала. Досадным примером тому служит определение фибулы, приведенной в табл.7,11, которая не «среднелатенская гладкая типа Г1» (табл.4), а «зарубинецкая» с треугольным щитком (см. ее описание и рисунок: Каспарова 1972: 84.рис.18,4). Хронологические выводы А.М.Обломского о типе Г1 построены на этом экземпляре (табл.4). Вполне возможно, что при точных замерах оригиналов система расчета с построением графика может быть использована в совокупности с другими признаками. Но пока это не сделано, большего доверия заслуживает вариантное членение А.К.Амброза.

Автор статьи также предлагает рассматривать как типологические и хронологические признаки длину пружины и профиль спинки фибул. Детали эти всегда отмечались А.К.Амброзом, Ю.В.Кухаренко и другими исследователями, учитывались они и во всех классификациях. Но самостоятельно служить хронологическим признаком они не могут, поскольку, как и отмечает сам автор, «параллельно фибулам с длинной пружиной в те же периоды существуют и фибулы с короткой пружиной». Следовательно, выводы ненадежны. Вывод о времени бытования фибул I и II вариантов («типов») следует не из графика на табл.3: это давно доказано взаимовстречаемостью этих форм фибул,

¹ Статья А.М.Обломского опубликована с изменениями и дополнениями (Обломский 1983).

их генетической связью с расчлененными, а не основывается только на длине пружины. График лишь иллюстрация. Профиль спинки ненадежный признак — есть расчлененные фибулы со скобчатым профилем в Румынии, Словакии, Словении и других местах, убедительно датированные фазой Латена C₁. Известны наши фибулы, у которых сочетаются пологая спинка (ранний признак) и короткая пружина (поздний); или прогнутая ножка (поздний) и пологая спинка. О ненадежности этого признака свидетельствуют фибулы Беляусского могильника (см.: Михлин 1980: 200—201). Поэтому делать выводы нет смысла. То же самое можно сказать по поводу обобщений о синхронизации «зарубинецких» фибул III и IV вариантов с фибулами позднелатенской схемы. Они звучат как «открытие». Между тем «данное положение нуждается в проверке» только для самого автора, если вспомнить, что это уже отмечали Ю.В.Кухаренко, А.К.Амброз, Е.В.Максимов, Л.Д.Поболь, К.В.Каспарова: составлены и схемы взаимовстречаемости (см.: Кухаренко 1964: рис.20 и 21; Каспарова 1976). Конечно, новые комплексы должны их дополнить, уточнить, возможно и поправить, но пока таких нет.

Не слишком удачной представляется и модификация А.М.Обломским схемы Ю.В.Кухаренко (Кухаренко 1964) для среднелатенских и позднелатенских фибул. Недаром последняя не получила широкого применения. Коррективы, предложенные автором, ничего не меняют, скорее запутывают. Типология же А.К.Амброза полнее и глубже, хотя и не идеальна (но таковой и не будет). А.М.Обломский упомянутые фибулы называет фибулами «западных» серий, что мне кажется внесением ненужной путаницы в нашу и так сложную терминологию: все фибулы имеют латенские прототипы, а термин «западные типы» стал привычным для фибул действительно западного происхождения (Амброз 1966: 36). Таким образом, полагаю, что уточнений в классификацию фибул зарубинецкой культуры А.М.Обломский не внес.

Часть работы, касающаяся абсолютной и относительной хронологии фибул, также требует ряда замечаний. Так, в проблеме хронологии Латена за последние 10—15 лет произошло много существенных изменений, частично, видимо, оставшихся автору неизвестными или им не понятыми. Так, А.М.Обломский глубоко ошибается, полагая, что не имеет принципиального значения для датировки фибул зарубинецкой культуры дата начала позднего латена, которой раньше являлся 15 г. до н.э. Имеет, и очень большое. Сейчас от этой даты, как даты гибели Манхинга, исследователи отказываются: этому вопросу посвящена огромная литература. Новые данные позволили передвинуть вглубь абсолютные даты периодов эпохи Латена. Автор пользуется работой К.Годловского и З.Возьянка 1970 г., но их современные

взгляды нашли отражение в работах 1973—1979 гг. Наиболее новая хронологическая схема предложена в 1977 г. К.Годловским, который базировался на многих работах европейских исследователей (Godłowski 1976, 1977, 1977a; Woźniak 1970, 1974, 1977, 1979; и др.). Хронология З.Возьянка, которую принял А.М.Обломский, может уже быть скорректирована. Нельзя называть ее «новой» сейчас. Автор не использовал многие работы, касающиеся хронологии рассматриваемых им фибул (статьи чешских, словацких, немецких, румынских и др. исследователей). Поэтому он уверен, что даты Р.Хахманна (Hachmann 1961) никем не опровергнуты. Кроме того, для зарубинецкой культуры важна хронология не только культур Северной Европы, а всего латенского ареала, в том числе юго-восточного. Замечаний здесь у меня много, обо всех говорить нет смысла, они вытекают из указанных выше. Отмечу некоторые конкретные.

При обозначении хронологических этапов эпохи Латена на протяжении всей статьи автор употребляет разные обозначения: «первая фаза латена D» (со ссылкой на Р.Хахманна, у которого совсем другие названия временных отрезков); «1 период латена D» или «первый период латена D». Несколько раз даны различные термины «вторая фаза», «2 фаза», и т.д. Отсутствие четкости формулировок режет слух: нельзя же так бросаться словами. Существует общепринятое членение Латена на периоды A, B, C, D с подразделением их на фазы, среди которых интересующие нас фазы C₁, C₂, D₁, D₂, D₃. Кто выделил еще D₄ или четвертый период позднего латена? Ссылок нет, только на Р.Хахманна, но он не выделял D₄.

Судя по табл.5—6 автор считает, что в зарубинецкой культуре фибулы появились одновременно с появлением тех же типов на западе, и дату самых ранних расчлененных (и «зарубинецких» I варианта) он определяет рубежом III — II вв. до н.э. Получается, что в латенизированных западных культурах они появились позднее? Обоснований такой дате (даже «условной») нет. Даты фибул даны «широкие», даже слишком. Сейчас их можно сузить. Если принята хронология З.Возьянка, то почему на табл.6 — «рубеж III — II», а в тексте — «первая половина II в.»? Неправомерно прямо переносить латенскую схему на зарубинецкую культуру.

В отношении датировки фибул с треугольным щитком. Напрасно автор статьи считает, что попытка К.В.Каспаровой определить датировку этих фибул окончилась такой уж неудачей, в которой она сама же и признается. А.М.Обломский, вероятно, не совсем точно выразился. Хронология «копьевидных» фибул по югославским исследователям действительно неопределенна, но датировка наших «зарубинецких», предложенная К.В.Каспаровой на основе анализа балканских аналогов и закрытых комп-

лексов (Каспарова 1977, 1978, 1981), подтвердилась современными данными латенской хронологии, а теперь еще и датой фибулы из Беляусского могильника (III вариант — конец II в. до н.э.), которая обоснована античными материалами и получена независимо от соображений К.В.Каспаровой (Михлин 1980: 201—203, рис.5,3).

Вопрос о появлении и бытовании среднелатенских гладких и расчлененных: вывод о существовании в зарубинецкой культуре фибул типа Г1 (вариант А К.Костшевского) «между началом периода С₂ и концом второй фазы латена D» ничем не обоснован, а также противоречит сказанному автором выше. У нас фибулы, близкие варианту А, редки и не встречены с другими типами. Можно опираться лишь на западную хронологию, а там они синхронны расчлененным, т.е. возникают еще в фазе С₁. Почему же у нас их следует датировать более поздними периодами? Ссылка на В.Зирру ничего не дает, ибо он говорит лишь о бытовании этих фибул на семиградских могильниках (Zirga 1971), а не об их появлении. З.Возняк даже в работе 1970 г. относит их к Латену С₂ (Woźniak 1970: 32). В современной литературе следующая генерация фибул — вариант В К.Костшевского (Г2 у Обломского) относят к Латену С₂ (см. работы Б.Бенадика, Х.Поленца, К.Годловского и др.), а не только к первой фазе латена D. О бытовании расчлененных фибул З.Возняк, цитируемый А.М.Обломским, пишет, что они исчезли к фазе Латена D, а не в «первом периоде латена D» (Woźniak 1970: 158). В этой связи замечу, что К.В.Каспарова в упомянутой автором статье не говорит, что бытование расчлененных фибул надо сузить до конца фазы С₁, как пишет А.М.Обломский. Там сказано, что продлевать их датировку со стороны Е.В.Максимова — излишняя осторожность, а он продлевал ее до конца I в. до н.э. (Каспарова 1978: 85).

Время же применения расчлененных фибул было, конечно, коротким. Они редки, встречены с архаичной керамикой, быстро сменились другими типами фибул. Фибула из Воронино починена — видимо, использовалась вторично немного позднее. На севере Европы, в Скандинавии, например, фибулы с шариками вообще бытуют дольше, но для зарубинецкой культуры это не имеет значения, ее контакты с латенизированным миром шли другим путем.

Относительно абсолютной даты позднейших

фибул зарубинецкой культуры. Косвенные аргументы автора против ее отнесения к середине I в.н.э. неубедительны. По-прежнему в собственно зарубинецкой культуре нет никаких материалов ступени V₁ римского времени; нет и других изменений, говорящих об ее перестройке. Переход к культурам последующего времени («киевского» типа, черняховской) нигде достоверно не прослежен, есть отдельные вещи, но нет культурного пласта такого переходного периода (или пока нет). Это надо пытаться объяснять, а не растягивать датировки. В «почепской» культуре фибулы позднелатенской схемы живут дольше — это и подтверждается другими вещами I — II вв., а в зарубинецкой культуре их нет. Самые поздние фибулы «бойев» (очень редкие и, скорее всего, импорт) говорят о связях с теми культурами, где они вышли из употребления самое позднее на рубеже эр. Могли ли в зарубинецкую такие фибулы попасть много позднее?

В числе мелких замечаний: фибулы, которые автор называет Р и П, не могут быть объединены вместе. Это варианты или подварианты. Ссылка на Р.Волонгевича здесь неуместна: именно он разделил фибулы варианта N по спинке, придавал хронологическое значение форме ее сечения. Фибула из погребения № 4 могильника Рахны П.И.Хавлюком не определялась как «смычковая» (Хавлюк 1976: 17). Почему автор так ее называет без всяких обоснований? Надо хотя бы дать ссылку на П.И.Хавлюка, на рисунок фибулы у него и у А.К.Амброза. Отмечу также неточность и небрежность выполнения рисунков на табл.7, где перерисованы фибулы из публикаций. При переделке могут быть еще искажения важных деталей. Другие таблицы тоже сделаны небрежно, неуважительно к редакции журнала.

Само собой разумеется, что, по моему мнению, без переработки статья не может быть издана. Полагаю, что автору нужно еще раз обратиться к материалу, к литературе. С рядом моих замечаний и с критикой некоторых рассуждений А.М.Обломский, вероятно, не согласится (ибо весь стиль статьи звучит достаточно самоуверенно), но свои положения он должен защитить более обоснованно. Редакцию «Советской археологии» прошу извинить за задержку отзыва. Причиной тому с одной стороны моя длительная болезнь с пребыванием в больнице, а с другой — множество замечаний по статье, потребовавших внимательной ее проработки.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР. САИ. Вып. Г1-12. 1966
 Каспарова К.В. 1972. Зарубинецкий могильник Величи II // АСГЭ. Вып.14.
 Каспарова К.В. 1976. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Полесья // СА. № 3. С.128-140.

- Каспарова К.В. 1977. О фибулах зарубинецкой культуры // АСГЭ. Вып.18. С.53-111.
 Каспарова К.В. 1978. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // ПСА. Вып.2. С.79—88.
 Каспарова К.В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры //

- СА. № 2. С.57-79.
- Кухаренко Ю.В. 1961. Памятники железного века на территории Полесья. САИ. Вып. Д I — 29. М.
- Кухаренко Ю.В. 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Вып. Д I — 19. М.
- Михлин Б.Ю. 1980. Фибулы Беляусского могильника // СА. №3.
- Обломский А.М. 1983. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. №1.
- Хавлюк П.І. 1976. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. Вип.18.
- Godłowski K. 1976. Strefy kulturove w okresie rzymskim w Europie Środkowej // Pr.Ar.
- Godłowski K. 1977. Okres latenski w Europie. Kraków 1977.
- Godłowski K. 1977a. Das Gräberfeld in Kryspinów bei Kraków und seine Bedeutung für Übergang zwischen der Laténe und der Römischen Kaiserzeit in Kleinpolen // SALZ.
- Hachman R. 1961. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // BRGK. Bd.41.
- Woźniak Z. 1970. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław etc.
- Woźniak Z. 1974. Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław etc.1974.
- Woźniak Z. 1977. Kulturelle Beziehungen zwischen der Gebieten Polens und der DDR während der La Tène und der frühen römischen Kaiserzeit // Arbeits und Forschungsberichte Sachsen. Bd.22.
- Woźniak Z. 1979. Chronologia młodszej fazy kultury pomorskiej w świetle importów i naśladownictwa zabytków pochodzenia południowego // Problemy kultury pomorskiej. Koszalin.
- Zirra W. 1971. Beiträge zur Kenntnis des keltischen Laténe in Rumänien // Dacia. T.XV.

Отзыв

о статье Л.Д.Поболь «Железный век Белоруссии»
(по поводу рецензии А.Г.Митрофанова)

A Comment on L.D. Poboli's Article "Iron Age in Belarus" (in Connection with A.G. Mitrofanov's Review).

In this case K.V. Kasparova was asked by "Sovetskaya Arheologiya" Journal to act as a referee in debate between two researchers from Belarus: L.D. Poboli and A.G. Mitrofanov. The former published a big volume in 1983, called "Arheologicheskie pamyatniki Byelorussii: Zheleznyi Vek" (Archaeological Sites in Byelorussia: Iron Age), and the latter one made a review of the book, where he marked many inaccuracies, like one and the same site being cited under different names, while several different sites are united under one name, etc. L.D. Poboli's response was the article, which K.V. Kasparova was asked to comment.

After studying the materials, she draws a conclusion that the reviewer was right in all the cases. Besides, she adds her own observations. The conclusion she makes is the following: it is dangerous to use L.D. Poboli's book as a reference tool, which it pretends to be. There are too many errors and inaccuracies in it.

Статья является попыткой опровергнуть критические замечания рецензента, расцененные как вымысел, искажение фактов и т.п. Утверждается, что «ни одно из критических замечаний не может быть принято», все «при проверке легко отводится». Рецензенту (и соответственно — редакции журнала) предъявлены весьма серьезные обвинения, притом в очень резкой форме.

Попробуем разобраться, имеются ли у Л.Д.Поболь основания для столь категоричных заявлений. Рецензия на книгу «Археологические памятники Белоруссии: железный век», Минск 1983 (Поболь 1983), действительно «разгромная», но вполне корректная.

Л.Д.Поболь прав — замечания звучат как «истина в последней инстанции», ибо А.Г.Митрофанов в них уверен; они недостаточно аргументированы, что можно объяснить ограниченным объемом рецензии, но за этим стоят веские обоснования. Убедиться в них мне позволили проверка и сопоставление источников. Лишь некоторые замечания не удалось проверить по ссылкам на архивные документы. Обратимся к конкретным вопросам, прежде всего к тем, на которые Л.Д.Поболь дал ответы в своей статье.

Он утверждает, что у дер. Присно имеются три городища (Поболь 1983, №№ 116, 117, 119:

236), опираясь на дневники А.Н.Лявданского и Д.В.Ковалени (1936). Согласно другим авторам их два (Мельниковская 1967: 192; Древности... 1962: 25). Так же считает и А.Г.Митрофанов. Данные по Присно I и II в рецензированной книге и в (Поболь 1974) совпадают.¹ О городище Присно III в книге 1974 г. написано, что в указанных дневниках отмечено третье городище, находящееся «восточнее деревни и оно хорошо видно с городища в урочище Горск» (1974: №323). А в книге 1983 г. читаем: «Присно III, урочище Замостовье ... стоянка каменного и селище железного веков» (1983: 236, №118). О Присно IV (его нет в книге 1974 г.) сказано то же самое (1983 №119). А.Н.Лявданский и Д.В.Коваленя отмечают, что третье городище находится юго-восточнее деревни (1936). Оказывается, что «третье» городище в Присно совпадает с городищем у дер. Шерстин, расположенной рядом (Мельниковская 1967 №№135,190; Поликарпович 1928: 190-191). Но у Л.Д.Поболь есть и городище Шерстин (1983 №151; 1974 №333): его описание соответствует тому, что говорится о городище Присно III (1974 №323; 1983

¹ Пользоваться сводом в книге (Поболь 1983) невозможно, не имея под рукой книги (Поболь 1974), так как ссылки в первой даны только для новых памятников, а для повторенных (их большинство) ссылки во второй.

№119). Поэтому и приведены планы только трех городищ у дер. Присно и Шерстин: Присно I, II и Шерстин (1974 рис.63,64,67). По привязке городищ у Л.Д.Поболья разночтения с авторами, на которых он ссылается: по О.Н.Мельниковской — два городища у Присно и одно у дер. Шерстин; по К.М.Поликарповичу — одно у Присно и два в Шерстине (1928 №№56-57). Все это в новом своде памятников Л.Д.Поболья был обязан скорректировать.

В ответ на замечание рецензента об отсутствии второго Чечерского городища (Поболь 1983 №921:300) Л.Д.Поболь не смог привести убедительных данных о его существовании. В действительности, А.Ганжин (1927), на которого ссылается Л.Д.Поболь, нигде не пишет, будто он обнаружил второе городище, а лишь упоминает об «остатках земляных укреплений бывшего когда-то замка». Речь может идти о городище позднего средневековья. Примечательно, что никто из старых археологов (С.А.Дубинский, А.Н.Лявданский) не упоминают о втором городище в Чечерске. Статья же А.Ганжина — популярный рассказ обо всех достопримечательностях Чечерска. Возможно, дело здесь в том, что Л.Д.Поболь в своде учитывает все городища, а не только железного века, часто вводя читателя в заблуждение. А.Г.Митрофанов же имеет в виду только городища по теме свода, в чем он, конечно, прав. Ссылки Л.Д.Поболья по рассматриваемому памятнику противоречивы. Чечерск II соответствует (Мельниковская 1967, №186) — но у нее это Ипполитовка, поселение в ур. Захарпольский Луг («уничтоженное городище?»). По (Древности... 1962, №8:25) — это тоже селище, к северу от Захарполя. В обеих работах указывается еще Малыничское городище за пределами Чечерска, не учтенное у Л.Д.Поболья. Здесь следовало бы сопоставить информацию из разных источников, прежде чем ссылаться на все подряд.

Л.Д.Поболь помещает городище Жаробная I (1983 №180:241), ссылаясь на (Поликарпович 1928 №85). Подтверждая замечание А.Г.Митрофанова о том, что здесь нет городища, добавлю следующее: под №85 у К.М.Поликарповича описаны памятники на левом берегу р. Сож у с. Скиток², а не Жаробная, которая соответствует селищу в ур. Глушец. При описании подъемного материала, среди которого два черепка «культуры городищ», К.М.Поликарпович упоминает: «между прочим, городище находится в 3-4 км. на запад около церкви, на берегу Сожа» (Поликарпович 1928 №82:218,219)³. Дана ссылка на Е.Р.Романова (1908; 1910), у которого упо-

минается городок в с. Скиток, где был основан Терешковский монастырь на вершине доисторического городища. Но у Л.Д.Поболья тоже есть Скиток, ур. Монастырь (1983 №216:243), с данными по Е.Р.Романову и ссылкой на К.М.Поликарповича. Оказывается, что одно городище Скиток у Л.Д.Поболья фигурирует дважды (1983 №№180,216), и сведения первоисточника искажены.

Закономерно и справедливо указание А.Г. Митрофанова о необходимости проверки сомнительных сведений в работах предшественников, в том числе и Е.Р.Романова, что отнюдь не умаляет достоинств последнего. Что касается пунктов, упомянутых А.Г.Митрофановым и проверенных мною по Е.Р.Романову (1910), действительно, включать их в свод только по этой информации бессмысленно.

Ответ на замечание о Логойске неудовлетворителен и уводит в сторону от выяснения истины: в рецензии идет речь не об этом (Поболь 1983 №216 с.363). Этому городищу феодального периода вообще не место в своде железного века, а фибула из бывшей коллекции Тышкевичей совсем не обязательно происходит из данного пункта. Недостаточное основание и «несколько обломков лепных сосудов» (Поболь 1974: 331)⁴, а замечание относится к (Поболь 1983 №214) — городище в ур. Паненкова Гора, находящееся в центре Логойска, а не «в 1 км восточнее города», как у Л.Д.Поболья.

Отводя замечание об искажении сведений о Черноручье (Поболь 1983, №372:161), Л.Д.Поболь неточно привел «данные о незнании первоисточников рецензентом» (статья:8). Все, на кого ссылается Л.Д.Поболь (А.Н.Лявданский, К.М.Поликарпович, Л.В.Алексеев, Г.В.Штыхов) пишут о расположении городища так, как указал в рецензии А.Г.Митрофанов.

Замечание (Поболь 1983 №№337,345:137) Л.Д.Поболь не понял, видимо, из-за ошибки в тексте рецензии (Митрофанов:290-291), где под №345 написано «Городенец» вместо «Городец II». А.Г.Митрофанов, скорее всего, сам допустил эту неточность, но, конечно, он имел в виду, что Азяруты и Городец II — одно и то же городище, а не №343 — Городенец, как пишет Л.Д.Поболь в ответе. Относительно №343 нет сомнений, а совпадемость сведений о №№337 и 345 внушает подозрение. Л.В.Алексеев и Г.В.Штыхов указывают одно городище на оз. Азяруты. А.Н.Лявданский и К.М.Поликарпович — одно на озере, второе — у д. Городец, но у них нет еще одного Городца, как у Л.Д.Поболья — №344. Локализация последнего неясна, сельский совет не указан. Связь памятников Городец I и II непонятна, поскольку, если Городец I находится в 15 км. к юго-востоку от Лепеля, то он не может иметь отношение к Городцу II, расположенному на берегу оз. Азяруты, в 10-12 км.

² У Л.Д.Поболья это селище названо Жаробная III (1983 №182:241).

³ На основании этих находок у Л.Д.Поболья зафиксировано селище №181 Жаробная II. Его №183 Жаробная IV, селище в ур. Гать тоже относится к левому берегу р. Сож: Скиток (Поликарпович 1928 №84:221).

⁴ См. (Штыхов 1971:181) и его ссылки.

к северо-западу от Лепеля. Неудачна, конечно, и привязка к несуществующим ныне населенным пунктам, что справедливо замечено рецензентом. Приходится признать правильной критику А. Г. Митрофанова по поводу недостаточно точной привязки многих памятников, а ответ Л. Д. Поболя неудовлетворительным.

На замечание о Жвирина (Поболь 1983 №37:126) Л. Д. Поболь утверждает, что к его краткой информации подробным дополнением могут служить работы Х. и В. Голубовичей (Holubowiczowie 1940) и К. П. Шута. У Х. и В. Голубовичей дана карта с пунктами без их названий. Ни одно из городищ, описываемых Л. Д. Поболем, не упомянуто у К. П. Шута: в статье ротопринтного издания есть маленькая карта, где мелким шрифтом помещены названия памятников, 50% которых не читаются, больше нигде не упомянутых, о подробной локализации нет и речи. Местоположение памятника можно было уточнить по Ф. В. Покровскому (1899, Приложение:30)⁵, где указано, что в 1½ версты на юг от дер. Жвирина находится высокая с плоской вершиной гора с признаками культурного слоя.

По поводу Кобринский уезд, урочище Замок (Поболь 1983 №153:107), где, по сведениям Археологической Комиссии, имеется городище, следует добавить, что кроме фактически отсутствующей привязки памятника, скудная информация о нем в единственном источнике еще и оборвана, можно сказать, на самом интересном месте: «Главным управлением уделов здесь произведены раскопки», цитирует Л. Д. Поболь (ОАК 1903), и ставит точку. А там еще написано: «причем ничего не обнаружено». Это как раз та самая «форма недозволенного цитирования», которую Л. Д. Поболь старается приписать рецензенту! Памятник оказывается сомнительным, каких в своде очень много.

Пытается Л. Д. Поболь отвести замечание о локализации городища в Смородске (№286:118), ссылаясь на подробную информацию в приведенной литературе. Однако это не так. Ни в (Słownik 1889), ни у В. П. Семенова (1905), где дан дословный перевод из первоисточника, о городище на берегу р. Горыни нет никаких данных. Там идет речь о с. Смородске, его местоположении, о церкви и т. д. Затем сказано: «с. Смородск — древнее поселение, имеющее в окрестностях городища, окопы, курганы». Какой конкретно памятник имеет в виду Л. Д. Поболь, остается неясным.

Заявление Л. Д. Поболя (статья:10), что все выводы о 3685 памятниках «строго обоснованы документально», не соответствует действительности. Несмотря на большой список литературы, очень часто приведены ссылки на работы, где использована одна и та же инфор-

мация. Например, ссылки на Г. В. Штыхова, Л. В. Алексеева, К. П. Шута, Х. и В. Голубовичей, которые сами ссылаются друг на друга, и все восходит к Ф. В. Покровскому (1893), на которого Л. Д. Поболь тоже дает ссылку. Причем ни у одного из авторов нет сведений дополнительно к Ф. В. Покровскому. И оказывается, что памятник никем не проверялся с 1893 г.!

Часто эти данные не позволяют бесспорно признать памятник археологическим, и вот кочают эти «валы» и «насыпи» из книги в книгу. В своде Л. Д. Поболя таких «памятников» действительно слишком много. Он полагает, что на ряде примеров, рассмотренных нами выше, сумел показать «научную несостоятельность» замечаний А. Г. Митрофанова, и утверждает, что это в равной степени относится ко всем замечаниям на с.290, и также, не обсуждая, отвергает все остальные на с.289,291.

По замечаниям рецензента мною проверены почти все ссылки автора и многие ссылки тех, на кого он ссылается. Это позволило убедиться в обоснованности утверждений А. Г. Митрофанова об отсутствии городища в Луговцах (Поболь 1983 №94:132). Л. Д. Поболь ссылается на Л. В. Алексеева (1959), который на свою карту этот пункт не помещает, дает данные в примечании, ссылаясь на (Сведения 1873), откуда явствует, что насыпной вал у дер. Луговцы по форме и по находкам (старинные монеты, пуговицы, подковы, пули) не внушает уверенности в его принадлежности к археологическим памятникам, тем более — железного века.

Все приведенные ссылки о пункте Фортуна (Поболь 1983 №109:133), сводятся к (Сведения 1873), где сказано о земляной насыпи. У Л. В. Алексеева (1959) на карте пункта нет. Г. В. Штыхов (1971) ссылается еще на К. П. Шута, где Фортуна только на карте в числе «обследованных поверхностно». Таким образом, новых данных ни у кого нет.

Все ссылки о Латыголь (1983 №32:132) сходятся к В. Глаценку (1930), который действительно упоминает о «городке» с валом и рвами, где никогда не производились раскопки. Л. В. Алексеев относит его к городищам без культурного слоя. В. И. Шадыро городища там не обнаружил. Это не археологический памятник.

Стрелки (№103:133): Л. Д. Поболь ссылается на В. Глаценка (1930), который городище не упоминает, кроме надписи на карте «в Стрелки», т. е. в населенный пункт.

Сомнителен и памятник Верхнее (Поболь 1983 №160:139), со ссылкой на (Покровский 1893), сообщающего о «насыпном вале длиной 50 и высотой ½ сажени, по краям вала ров, при концах — болото».

По поводу Тумиловичей (№302 с.154), Л. Д. Поболь пишет: «предположительно» городище, ссылаясь на Г. В. Штыхова (1971), опирающегося на «непроверенные сведения Витебского музея». Аналогичные данные о Докшицах

⁵ Эта работа в библиографическом списке Л. Д. Поболя не числится.

(№281:152), но здесь уже нет «предположительно».⁶

По Отруб (№№298 и 299:154), даны ссылки на Г.В.Штыхова (1971), а у него на (Опросный лист). Л.Д.Поболь указывает, что А.Г.Митрофанов памятники не обнаружил, но все-таки включает их в свод, не проверив старые данные.

Помещая городище Селище-Латыголь (Поболь 1983 №117:356), Л. Д. Поболь попросту искажает информацию источника: в работе А.Сапунова и В.Друцкого-Любецкого (1896) нет ничего о городище, а идет речь о следах старинного кладбища — могильных холмах около с. Латыголь и кургане Лысая Гора при дер. Селище.⁷

Неубедительны данные о наличии городища Мостище в ур. Солдатова могила (Поболь 1983 №50: 128). Ссылки восходят к (Покровский 1893), где сказано, что гор. «Солдатова» возле Мостища и «старые могилки» — может быть «стародавний могильник». О городище нет ни слова. Г.В.Штыхов указывает, что там нет культурного слоя, но Л.Д.Поболь об этом не упоминает.

Существование городища в Укольске (№71: 130), основано на ненадежных данных К.П.Шута (только название на карте) и на «непроверенных сведениях Витебского музея», как сообщает Г.В.Штыхов.

Замечание о том, что Опса и Плюсы (№№53 и 54:128) — природные образования, не вызывают сомнений. Все ссылки по Опсе⁸ основаны на работах Ф.В.Покровского⁹, в одной из которых (1899:31) сказано, что у дер. на оз. Опса имеется «возвышенность под названием «Черной Горы»». Остальные ссылки касаются курганов. Недавние обследования Л.В.Дучиц¹⁰ подтвердили, что это природные образования.

О пунктах Волково, Дворчаны, Каменцы, Козлы, Щеберы (Поболь 1983 №№ 386, 388, 393, 395, 414: 162,165), вся информация восходит к (Покровский 1893: 2-3), где говорится, что, по сведениям местного учителя, в окрестностях м. Леонполь (около названных выше деревень и хуторов) находятся валы, а в одном из них находили разного рода оружие. Ссылки на других авторов дополнительной информации не дают¹¹, наоборот, есть расхождение с Г.В.Штыховым по №№386, 393, 395, 414. Он отмечает

⁶ Эти пункты могли быть помещены в список памятников, требующих проверки (если бы таковой был).

⁷ То же см. (Покровский 1893:26,27; Штыхов 1971 с.171, №145).

⁸ По Плюссе нет никаких ссылок.

⁹ Имеются в виду работы (Покровский 1899;1905): первая не использована в книге Л.Д.Поболя (1983) вообще, вторая отсутствует в библиографическом списке, хотя на нее много ссылок.

¹⁰ Архив ИИАН БССР, №576:124

¹¹ Попутно отмечу, что для №333 ошибочна ссылка на Г.В.Штыхова (1971): нужно Леонполь обозначить №437, а не №440.

там только курганы (1971: 61, №437), опираясь на ту же работу Ф.В.Покровского. Не вполне ясно, почему у Л.Д.Поболя городища в Козлах и Щеберах помечены «предположительно», хотя информация основана на тех же источниках, что и по другим пунктам.

Относительно №388 указано, что А.Г.Митрофанов «памятника не выявил». То же самое касается Перебродья (№403:163). По Ф.В.Покровскому (1893: 2-3) известна насыпь около 10 сажень в окружности, в которой «много находок брусков для острения кос», а в (Сапунов, Друцкий-Любецкий 1896) данные повторены.

Учитывая все изложенное, а также негативные результаты обследования памятников А.Г.Митрофановым, известные ранее Л.Д.Поболью, думаю, что требовалась дополнительная проверка ненадежных и кое в чем путанных литературных источников прежде, чем включать памятники в свод.

Не бесспорны и данные о существовании городища Девгуны-Хомичи (№389:162), со ссылкой на Г.В.Штыхова, опирающегося только на карту Х. и В.Голубовичей без названий памятников.

Неубедителен ответ Л.Д.Поболя о Небышино-Далеком (№290:153). Если он пришел к выводу о существовании там городища, изучая (Опросный лист), незачем было ссылаться на Г.В.Штыхова, который в том же урочище помещает только могильник, причем тоже по данным «Опросного листа». Неудачна ссылка на (Митрофанов 1971) — эта работа не числится в библиографическом списке, и по ее данным в 0,5 км. от Небышино в ур. Городище расположены курганы. Название урочища еще ни о чем не говорит, особенно при изучении топографии местности лишь по «Опросному листу».

Под названием Домашковичи (№282:153) помещены три городища недалеко от деревни Осово с указанием, что А.Г.Митрофанов памятники не обнаружил. Не доверяя ему, Л.Д.Поболь пользуется сведениями (Описание церквей 1879:311), где указываются в окрестностях деревни Осово курганы с окопами вокруг, называемые «дворцом», «городком»; между Горелой и Дедиловичами — курганы, именуемые «городцами» и «старым селом». Никаких данных, удостоверяющих их принадлежность к памятникам раннего железного века, нет. Возможно, некоторые из них совпадают с настоящими городищами, расположенными поблизости, но привязанными исследователями к другим пунктам: в 2-х км — у Дедилович («Замковая гора»), и в 6-7 км — у Васильковки, о чем и пишет А.Г.Митрофанов (с.290), проводивший там многолетние раскопки. Л.Д.Поболь учел эти городища (1983: №№56;1995: 351, 362), но включил и старые сведения. В результате вместо двух городищ — пять!

Убедительно замечание о том, что Новый Погост и Пилаты (Поболь 1983 №№401, 702:

163, 196) — одно и то же городище. Следует внимательно прочитать информацию Ф.В.Покровского, где говорится, что по сведениям местного священника городище — в 3-х верстах от церкви деревни Новый Погост, а по сведениям местного учителя «может быть то же городище — при деревне Пилат» (1893:11-12). Г.В.Штыхов это учел, сделав соответствующее замечание. У него есть Новый Погост (1971 №440: 61), но нет городища Пилат. Я.Г.Зверуго и Л.В.Дучиц городище привязывают к дер. Пилат, но у них нет Нового Погоста. Л.Д.Поболь свой список старается увеличить — у него и то, и другое, а сопоставить данные он не счел нужным.

Отводя замечание об отсутствии городища у Бегомля (№268:151), Л.Д.Поболь предлагает рецензенту «познакомиться с первоисточниками», а ими являются «непроверенные сведения Витебского музея, 1969 г.» (на них ссылается Г.В.Штыхов (1971), на которого дает ссылку Л.Д.Поболь; ссылка на (Опросный лист) касается курганов). Считаю, что данные обследования А.Г.Митрофанова надежнее.

На каких основаниях у дер. Белевичи помещено городище (1983 №394:379), осталось неясным — ссылок на источники нет, а по данным рецензента, проводившего разведки в этих местах, в ур. Церковище — болото.

Источником о городищах Сороги, Крайцы, Колосовичи (1983 №№ 414, 415, 70, 354: 381, 352, 158) служит только (Опросный лист), т.е. данные по состоянию памятников на 1924 г., причем в основном собранные непрофессионалами. Сомнительна и принадлежность таких памятников именно к железному веку. Многие из них к настоящему времени уже не сохранились (как №№414,415 — по обследованию А.А.Егорейченко (1979); или определены как природное образование (№354), о чем Л.Д.Поболь уже было известно (1983: 159), поэтому сведения обязательно нуждались в проверке.¹²

Думается, что некоторых замечаний рецензента можно было бы избежать, если бы Л.Д.Поболь ввел в Свод рубрику «сомнительных» памятников: городищ, не сохранившихся до настоящего времени, известных только по литературе XIX века, по ненадежным данным. Но, поскольку все-таки в некоторых случаях на этот счет встречаются оговорки, предполагается, что все остальные — бесспорны. Проверка же показывает, что это далеко не так.

В этой связи появились в рецензии и неправильные замечания: по поводу Голубичей (Поболь 1983 №162:139), где Л.Д.Поболь не утверждает, что нет древнего поселения, как считает А.Г.Митрофанов (с.290). Памятник ведь внесен в список согласно ссылкам, при оговорке, что

проверка М.А.Ткачевым в 1973 г. не подтвердила данные. То же самое касается Высокого Городца (№621:187), где есть указание, что городище уничтожено.

Значительная часть замечаний касается памятников, занесенных в список под двумя разными названиями, за счет чего их количество преувеличено. Выше уже говорилось о тех, которые Л.Д.Поболь попытался «защитить» в рассматриваемой статье. Замечания по остальным сорока пунктам он просто отвел как «бездоказательные утверждения» и «вымыслы» А.Г.Митрофанова. Однако проверка источников, результаты которой привожу ниже, подтвердили, что указанные рецензентом памятники у Л.Д.Поболя фиктивные.

Под №№26,40 (1983: 125,127) числятся два городища — Бужа и Зазоны, в действительности — одно у дер. Зазоны, ур. Замок. Исследования (Алексеев 1955) подкрепили старые сведения Ф.В.Покровского: по его данным на оз. Бужа городища нет. Обследование Л.В.Дучиц (1981: 164) подтвердило наличие городища у дер. Зазоны.

Два городища вместо одного, Литовщина и Татаровщина (1983 №№45,66:127,129) возникли потому, что Л.Д.Поболь не сопоставил данные из (Дучиц 1977), привязавшей городище Татарская Гора к существующей ныне дер. Литовщина (хут. Татаровщина теперь нет) с прежними сведениями Ф.В.Покровского, Л.В.Алексеева, Г.В.Штыхова и др., по которым городище числилось за этим хутором.

А вот каким образом в своде получилось пять городищ вместо трех на оз. Укля: в Загорье-Укля (1983 №39:126) указаны три городища в ур. Тариловка, Козинец и Лыско, а также курганный могильник. В Укле (1983 №№69,70:129) — два городища с привязкой к дер. Укля и г. Браславу, в ур. Тариловка и Козинец отмечены и курганы. Для всех пунктов даны ссылки на один и тот же пункт (Штыхов 1971 №65); а также на Ф.В.Покровского — в одном случае на (1895) (этой работы нет в библиографии), в другом — на (1893), а также на (Сапунов, Друцкий-Любецкий 1896). Во всех источниках речь идет об одних и тех же городищах на берегу оз. Укля и о загорских курганах. Вероятно, когда Л.Д.Поболь писал с.129, он уже забыл, что написал на с.126.

Действительно дважды указана курганная группа Бельмонты I и II (1983 №№21,22:125), но дело не только в этом. Неточности в ссылках и привязках совершенно запутывают читателя. У Ф.В.Покровского (1895) описываются несколько могильников, в том числе Бельмонтские, Рацкие и Богинские курганы. У Л.Д.Поболя под №21 Бельмонты I — это «Рацкие курганы», «в 5 км. от Браслава». По Ф.В.Покровскому (1895: 181-184), они находятся на северо-западном берегу оз. Дривято, между дер. Машули и Шалтени, а бывшее имение Бельмонт — на про-

¹² В ответе Л.Д.Поболя под №354 какое-то недопонимание: каким образом из документа 1924 г. было «известно, что в 1927 г.», и даже имелся Колосовичский сельсовет?

типоволожном берегу озера. Ссылка на (Штыхов 1971 №28:32) не подходит — у него это 76 курганов вблизи бывшего имения Бельмонт со ссылкой на Ф.В.Покровского (1895: 181-184), где описаны «Бельмонтские курганы». По №22 Бельмонты II Л.Д.Поболь ссылается на (Покровский 1895: 212-214), на которых описаны «Богинские курганы» (по Л.Д.Поболью они соответствуют №23). Здесь же дана ссылка на (Гуревич 1958: 55, №5), но Ф.Д.Гуревич ссылается на (Покровский 1895: 181-184), то есть на Бельмонтские курганы.

Так какая же группа курганов подразумевается под №22? Ведь никакой привязки памятника не дано. Но это еще не все! Есть продолжение «бельмонтской» путаницы: Машули (1983 №48: 128), где говорится о 20 курганах, раскопанных Ф.В.Покровским, со ссылкой на (Покровский 1895: 55, №1), а там, конечно, нет ничего подобного. Затем — ссылка на (Гуревич 1958: 55,60-64, №1), которая опирается на (Покровский 1895: 185-197), где описаны Рацкие курганы. Однако у Л.Д.Поболья это уже было — под №21 Бельмонты I (?!). И в (Штыхов 1971 №46) речь идет о курганах в Рацком бору. Итак, дважды числится один памятник — Рацкие курганы (1983 №№21,48). Непонятно, какую группу курганов обозначает №22 (должно быть — Бельмонтскую, иначе они куда-то исчезли). А все было так просто и понятно — и у Ф.Д.Гуревич, и у Г.В.Штыхова, не говоря уж о Ф.В.Покровском...

Дважды фигурирует одна курганная группа под двумя названиями — Опса и Заборники (1983 №№53,38: 128,126). Известная Опсовская группа (Покровский 1895:197-202) оказалась дублированной благодаря ссылке на ошибочную привязку ее к дер. Заборники М.М.Чернявским, на которого ссылается Л.Д.Поболь под №38. Однако на соседней странице он помещает курганный могильник Браслав II (1983: 125 №25), расположенный в местности Заборные Гумна по Ф.В.Покровскому (Браславские курганы) (1895:176-180).

Городище Глубокое на левом берегу р. Аржаницы, на земле крестьян дер. Шарабай (№161: 139) со ссылкой (Покровский 1893: 9)¹³ дублировано городищем Шарабан со ссылкой на Г.В.Штыхова (1983 №187: 142), который ссылается на те же данные Ф.В.Покровского. «Глубокое» у Г.В.Штыхова не числится. Несомненно, речь идет об одном и том же городище. Это подтверждается обследованиями (Дучиц 1981).

Березки-Осиновик и Новоселки-Витуничи числятся как два городища (1983 №№270, 292: 151, 153), на самом деле есть одно — городи-

ще Замок, расположенное между дер. Осиновик и Новоселки, привязанное к дер. Осиновик по отчету (Митрофанов 1971а), а в (Опросный лист) оно же значится по дер. Новоселки.

Это подтверждается сравнением памятников с данными (Штыхов 1971). Новоселки-Витуничи (№321), городище в 0,5 км от Новоселок, соответствует, как он указывает, городищу Осиновик №323, со ссылками на (Опросный лист) и (Штыхов 1967). У Л.Д.Поболья по городищу Березки-Осиновик (1983 №270:151) дана ссылка (Штыхов 1971 №294), где действительно помещено городище Березки, но по всем данным оно соответствует (Поболь 1983 №278). В тоже время у Г.В.Штыхова памятник под таким названием не числится. А.Г.Митрофанов и Г.В.Штыхов вели исследования в этих местах и их сведения не вызывают сомнений, особенно в сравнении с непрофессиональной информацией в старых документах и изданиях.

Безусловно, одной курганной группой являются Кублищино и Махировка (1983 №№396а, 400:163).В обоих пунктах указано по 62 кургана, в одном ссылкой на (Дучиц 1982), в другом на ее же отчет (Дучиц 1977). Снова сталкиваемся с небрежностью в ссылках, они затрудняют и проверку. Выясняется, что ссылка (Дучиц 1982:103-110) (по библиографическому списку — автореферат!) на самом деле относится к отсутствующей в списке работе (Дучиц 1982а: 103), где сказано: «В литературе курганная группа с привязкой к дер. Махировка впервые упоминается Ф.В.Покровским (1893:3)». Но поскольку сейчас нет дер. Махировка, Л.В.Дучиц привязала группу к Кублищино. Л.Д.Поболь вставил №396а дополнительно, после появления статьи Л.В.Дучиц, не пожелав сопоставить сведения, публикуемые им на одной и той же странице. Кроме того, это курганы X-XII вв., не относящиеся к теме свода.

Подтверждается замечание о том, что Клебань и Обольцы (№№632,630а:188) — один памятник, причем сведения Л.Д.Поболья расходятся с данными Г.В.Штыхова, на которого он ссылается. У последнего Обольцы — предполагаемый город XIV века Обольче, а не Клебань, как пишет Л.Д.Поболь. Ссылка на предположение О.М.Левко без аргументации и библиографических данных не проясняет ситуацию. Кроме того, этот памятник не относится к раннему железному веку.

Городище Безводное (1983 №98:354), согласно отчету (Митрофанов 1967), на который ссылается Л.Д.Поболь, тот же самый памятник, что и (1983 №108): по Ф.В.Покровскому последний привязан к дер. Ковали. Так же называет его и Г.В.Штыхов (1971 №128:170), не включая пункт Безводное.

Дважды, под названиями Губы-Геленово и Куренец (1983 №№104,111:355,356), значится городище Замокская Гора, расположенное в 1,3 км от дер. Геленово. Согласно Ф.В.Покров-

¹³ Ссылки на Х. и В.Голубовичей, М.Балиньского и Т.Липиньского не дают никакой информации. В первой работе (Holubowiczowie 1940) дана только карта без названий. Во второй (Baliński, Lipiński 1850.- Т.IV: 489-490) указано, что в окрестностях м. Глубокое есть следы окопов, в которых выкапывают скелеты и алебарды (ссылка на Т. III ошибочна — там нет s. 604).

скому (1893: 29-30), оно находится в 4-х верстах от Куренца, а не в 8-9 км., как пишет Л.Д.Поболь, и совпадает с городищем в Губской Пуще, исследованном А.Киркором. Замечание Ф.В.Покровского о совпадении памятников подтверждено обследованиями Г.А.Кохановского в 1978 г. Замковой Горы. У Г.В.Штыхова (1971: 170) это городище числится только по дер. Куренец.

У дер. Речки помещены два городища (1983 №№116,116:356), между тем одно из них — Замок, очень позднего характера, о чем можно судить, внимательно читая Ф.В.Покровского, и, особенно, примечание, где сказано, что А.Киркор обнаружил сводчатую галерею и вал, обложенный тесаными камнями (1893: 28). По обследованию А.Г.Митрофанова, там теперь сохранились лишь следы памятника XVII века.

Городище Калдыки (1983 №128:357) расположено в ур. Жидова Гора, согласно отчету (Митрофанов 1967), на который ссылается Л.Д.Поболь. Скорее всего, это одно городище с (1983 №132:357) в ур. Еврейская Гора, о котором у Л.Д.Поболя сведения получены от некоего Б.П.Власова (без литературы).

Городища у дер. Боровые, Кривичи, Неверы (1983 №№310,327,335:371,374) на самом деле один памятник — у дер. Боровые. По Ф.В.Покровскому (1983: 22), речь идет о городище четырехугольной формы на берегу р. Сервич около Кривич и Неверы. Судя по находкам (оружейные стволы, ядра и пр.), а главное — по разведке 1966 г., здесь «следов древних поселений не выявлено» (Штыхов 1971:195, №450).

Замечание А.Г.Митрофанова о том, что городище Некасецк повторяется под именем Новоселки (1983 №№336,341:375), мне представляется правильным, ибо он вел раскопки в Некасецке, обследовал окружающие места и вряд ли пропустил бы еще одно городище в 1,5-2 км. у Новоселок. Об этом памятнике (№336) и идет речь у Ф.В.Покровского (1893:34), указывающего на Черную Гору в 1,5 верстах от Новоселок. Там же и в (Сапунов 1893) упоминается городище в виде конусообразных насыпей, при раскопках одной из которых «не было ничего найдено». Эти сведения использованы Л.Д.Поболем, но без учета указанных оговорок. Надо, однако, отметить, что Г.В.Штыхов, кроме Некасецкого городища, указывает городище и курганы в Новоселках (1971 №462:196), ссылаясь на Ф.В.Покровского, «Сведения Минского краеведческого музея» и Ф.Д.Гуревич, у которой есть Некасецкое городище, а в Новоселках — только курганы.

В справедливости замечания рецензента трудно усомниться, увидев, как дважды описано городище в центре д. Дягили под разными номерами и названиями (Поболь 1983 №№320,317:372).

Бесспорно является одним памятником Ивань, городище в ур. Окоп и Селище, и горо-

дище на берегу ручья, правого притока р. Лакнеи (1983 №№403,411:380). Это явствует из сравнения ссылок, приведенных автором: у С.А.Дубинского говорится, что Селищанское городище близко от совхоза Ивань, а в (Описании церквей) описана местность Ивань «при реке Локнее», и указано, что древний Окоп («замочек»), обнесенный валом, находится у малого ручейка. А.Н.Лявданский и К.М.Поликарпович пишут о городище Селище, но не упоминают городище Ивань; в списке О.Н.Мельниковской (1967) тоже только Селище, между тем именно на них ссылается Л.Д.Поболь по пункту Ивань!

Таким образом, проверка показывает, что все замечания А.Г.Митрофанова совсем не «небылицы» и не «ненаучные приемы критики», как определяет их автор статьи, а вполне объективное выявление фактических ошибок. Как указывает рецензент, список последних можно продолжить. В подтверждение приведу лишь несколько пунктов (их много больше), правомерность внесения которых в свод вызывает сомнения. Судя по описанию, автору они неясны, ссылками не обеспечены, или последние ненадежны. Это (1983 №203:111; №272:117; №125:135; №508:176; №550:270; №676:279; №948:347), и т.д. Среди 42-х памятников Оршанского района только относятся к железному веку (9 из них были в своде (Поболь 1974)), а 20 памятников есть в своде (Штыхов 1971); то же и по другим районам и областям.

Статистические данные выглядят очень внушительно, например, городищ железного века 1726, а при распределении их по культурам получается следующее. Милоградская культура — 141, культура штрихованной керамики — 202, днепродвинская — 88, ранний этап зарубинецкой культуры — 142, поздний — 10, культуры пражского типа — 135, эпоха Древней Руси — 222. В результате сложения оказывается, что их 940, а у 786 культурная принадлежность неясна. Не слишком ли много? Ведь свод частями издавался автором раньше, в нем широко использованы списки к археологическим картам других авторов. Это подтверждает критику А.Г.Митрофанова (с.289).

Не лучшим образом обстоит дело со статистикой и по конкретным культурам. Например: городищ милоградской культуры 141, зарубинецкой культуры — 142, но фактически это одни и те же памятники (их 110); на табл.2 в подавляющем большинстве они значатся как милоградские, а на табл.7 — как зарубинецкие. Фактические цифры по каждой категории памятников значительно меньше указанных в таблицах.

Среди 786 непонятных городищ значительная часть вообще не относится к археологическим памятникам, о чем говорит рецензент (с.289). У Л.Д.Поболя, по-моему, превратное представление о назначении свода памятников железного века, судя по тому, что он пишет на с.9 статьи. Оказывается, он «ставил перед со-

бой задачу мобилизовать общественность на спасение всего того, что еще сохранилось в различных уголках Белоруссии». Все это справедливо для соответствующей литературы, но вряд ли «общественность» будет читать именно эту книгу. Автор слишком прямолинейно толкует и слова А.А.Формозова, цитируемые на с.7 статьи. Извлечение сведений об исчезнувших археологических памятниках из архивных документов и старых изданий следует производить корректно и тщательно, и не доводить эту работу до абсурда. Памятники, не относящиеся к теме свода, попали туда не по недоразумению, как пишет рецензент (с.289). Л.Д.Поболь полагает, что это поможет решению вопросов взаимосвязи древностей Руси с культурами предшествующими и проблемы славянского этногенеза (1983: 6,56). Однако все ограничивается лишь подобными декларативными утверждениями.

Ими пронизана вся первая часть книги, названная «Анализ археологических памятников железного века» (1983: 8-93). В действительности это краткий, но неравномерный обзор археологических культур. Заслуживает внимания, пожалуй, лишь систематизация фрагментов милоградской керамики (1983:12-16). Замечание А.Г.Митрофанова об отсутствии аргументации по хронологии милоградской культуры вполне закономерно. В то время как у О.Н.Мельниковской (1967) приведены обоснования всех возможных датировок, Л.Д.Поболь априорно удревняет даты, не считая нужным вступать в дискуссию. Вся хронология уместилась на полстраницы (1983: 12). Только в статье упоминается о дате Лебедовского типа по О.Н.Мельниковской. Действительно, сейчас есть данные, позволяющие несколько снизить и время возникновения милоградской культуры, и время ее конца, уточнив датировки определенных групп вещей, появившихся в результате контактов. Однако требуется их анализ, система доказательств, а не общие слова. Предположение О.Н.Мельниковской (1967: 19-22) о происхождении милоградской культуры на местной подоснове можно развить, но Л.Д.Поболь по этому поводу даже не ссылается на нее. А для выделения ранней догородищенской милоградской культуры эпохи бронзы (1983: 10) еще слишком мало данных.

Рассуждая о взаимоотношениях племен милоградской культуры и культуры штрихованной керамики, автор допустил весьма неудачные сравнения (1983: 16), а рецензент мягко указал на неточность. Следует не А.Г.Митрофанова упрекать в искажении смысла, а автора — в плохом изложении своих мыслей. Кстати, по этой проблеме Л.Д.Поболь мог бы указать и новые точки зрения, например А.А.Егорейченко (1982), выделившего среднелитовский вариант милоградской культуры вместо восточно-литовского варианта культуры штрихованной

керамики.

Нельзя согласиться с аргументами Л.Д.Поболь, касающимися определения северной границы зарубинецкой культуры, и его возражениями рецензенту. Во-первых, последний в своей монографии сравнивает копье и дротик из Аздытичей, Лабенщины и др. именно с зарубинецкими, но совершенно правильно указывает, что подобные формы характерны для многих культур эпохи среднего латена (Митрофанов 1978: 37,38). Равно как и «позднелатенская» фибула из Малышек — широко распространенный общеевропейский тип. Обломки подлощенной керамики еще недостаточное обоснование для маркировки границ зарубинецкой культуры. Проверка пунктов, по которым проведена северная граница милоградской культуры на карте (статья рис.1) показывает, что к ней относятся только №№67 и 69, №350 — сомнителен; культурная принадлежность остальных аннотированных неизвестна (.№№327,226,41,698,632,450), или они средневековые (№№334,458,418); большинство пунктов — без номеров. Также ненадежно проведены восточная и западная границы. Полностью поддерживаю все остальные замечания рецензента, касающиеся карт. Объяснения в статье (с.15,16) их не снимают, а лишь вызывают недоумение. Нанесение на одну карту памятников всех культур не поможет установить их взаимосвязь — без разработки и анализа источников обойтись не удастся.

Вопрос о пересмотре этноса носителей культуры штрихованной керамики еще не решен, и безапелляционные утверждения, приведенные Л.Д.Поболем в книге и в статье, преждевременны. Идея о возможной принадлежности этой культуры праславянам-венедам (ставанам) — всего лишь рабочая гипотеза, интересная, но далеко не доказанная.

В первой части книги значительное место занимает «ранний этап зарубинецкой культуры» по могильнику Велемичи I, его периодизация «по опыту изучения Чаплина» (1983: 21-37). Причем автор вторично обращается к этому памятнику — попытка его хронологического расчленения уже была им предпринята (Поболь 1973: 34, рис.7). В рецензии (Каспарова, Мачинский, Щукин 1976), о которой упоминает А.Г.Митрофанов (с.287), подобный метод хронологических построений уже получил отрицательную оценку. Повторное его использование имеет смысл лишь в том случае, если теперь работа выполнена на более высоком профессиональном уровне. Однако этого не сделано. Кстати, замечание А.Г.Митрофанова о некорректном пересмотре периодизации Ю.В.Кухаренко не совсем точное — Л.Д.Поболь не пересматривал, а просто проигнорировал исследования Ю.В.Кухаренко (1961, 1964).

Ведь, чтобы его опровергнуть, надо проделать ту же работу на современном уровне знаний — произвести классификацию керамики,

фибул, их корреляцию. Вместо этого снова предлагается периодизация, в основе которой лежит тот же порочный метод. Даже исправление грубых ошибок, указанных в коллективной рецензии (1976), и учет некоторых замечаний не изменили картину в целом. По-прежнему отсутствует разработка типологии керамики и фибул данного могильника, не показана их взаимовстречаемость. А без этого невозможно построить схему его периодизации. Нельзя ограничиться изучением могильника «по типу Чаплина», как считает Л.Д.Поболь.

Поэтому закономерно, что хронологическая классификация погребений, лишенных явных датирующих признаков — фибул (а таковых большинство), осталась необоснованной. Как правило, их датировку предопределило местоположение на могильнике: ранние — в центре, поздние — по окраинам. Под это «правило» подогнаны многие погребения. Также искусственны и границы стадий на планах. Во всем этом легко убедиться, проведя несложные сопоставления. Однако здесь нет возможности углубляться в эти вопросы. Остановлюсь на некоторых других.

Положительной оценки могла бы заслуживать краткая систематизация погребального обряда и характеристика инвентаря. Но есть ли уверенность, что там нет фактических ошибок? Ведь всю книгу пронизывает небрежность к фактам (к «воздуху науки», как позволяет себе писать Л.Д.Поболь (с.2)), неточность информации, декларативность выводов. Не избежал подобной участи и этот раздел. На рис.15,10 не показано наличие золы и угля в заполнении могильной ямы, а это существенно, учитывая, что Ю.В.Кухаренко погребение №22 относит к готепидским, для которых этот признак характерен, а Л.Д.Поболь — к первому этапу зарубинецких. На рис.16,12 горшок реконструирован произвольно; на рис.37,7,8 фибулы изображены без орнамента и прорезей на приемнике (Кухаренко 1961:32, рис.17, табл.14, 6, 17,12,13).

Некоторые утверждения вызывают, по меньшей мере, недоумение: погребение №129 автор считает «переходным от милоградской к зарубинецкой культуре» (1983: 25) по сосуду с жемчужным орнаментом, что является признаком ранней милоградской керамики. О каком же переходе идет речь? Трудно всерьез принять мнение о том, что захоронения с булавками принадлежат жрецам (1983: 27-28), ибо в таком случае жрецы составляли половину погребенных в Воронинском могильнике, а в Чаплине не было ни одного. Непонятно, на что опирался автор, связывая посоховидные булавки с кельтским миром (1983: 26), где их совсем нет.

Вопрос о дальнейшей судьбе зарубинецкого населения Белоруссии, вопреки утверждениям Л.Д.Поболя, окончательно не решен. Здесь еще много спорного. Переход от раннего этапа к позднему, к памятникам типа Абидня-Тайма-

нова пока рассматривается как гипотеза, нуждающаяся в серьезной разработке. Исследования в этой области ведутся, и для их успешного завершения чрезвычайно нужны полностью изданные материалы Абидни, Тайманова и других памятников позднего этапа, давно раскопанных Л.Д.Поболем. До сих пор имеются лишь выборочные публикации и слабо обоснованные выводы. Для разработки этой проблемы в новой книге Л.Д.Поболь решительно ничего не добавил, кроме поверхностных рассуждений и цифр о количестве памятников. Оно велико — 633, но, кроме нескольких, это пункты с обломками керамики с расчесами или «груболепной I тыс.н.э.». Только по этим признакам большинство из них отнесены к позднезарубинецким. Но даже в определении такой важной, «датирующей категории находок» (1983: 40) нет четкости. Известно, что расчесы встречаются не только на керамике позднего этапа. И действительно, говоря о кельтских чертах, Л.Д.Поболь приводит сосуд с расчесами из Велемичей и тут же указывает, что керамика такого характера распространена на всех памятниках зарубинецкой культуры, в том числе и позднего этапа. В этой же связи упомянуты сосуды, аналогичные поморским, тоже с расчесами (1983: 25, рис.15,7, 19,2,8). Расчесы есть и на керамике типа Брест-Тришин. Об этом у автора (1983: 106, №138).

После этого трудно согласиться, что только по керамике с расчесами можно диагностировать памятники. Осталось неясным и мнение автора о происхождении этого признака в позднезарубинецких древностях. Всестороннее их рассмотрение особенно необходимо, поскольку эти памятники являются опорными для заключений о непрерывности развития культуры населения Белоруссии от зарубинецкой культуры до древностей пражского типа.

По этой проблеме также вместо анализа препарированного материала преподнесена поверхностная характеристика (по сути дела ограниченная рассуждениями о полуземлянках), и слабые попытки выразить несогласие с противниками своих взглядов. Не буду касаться подробностей, полностью соглашаясь с замечаниями А.Г.Митрофанова, тем более что и по этому поводу Л.Д.Поболь в статье не привел никаких опровержений, кроме безапелляционных высказываний. Весь этот порочный стиль декларирования научных выводов, бестактные упреки в адрес рецензента, неуместные примеры якобы ошибок в монографии последнего, свидетельствуют о беспомощности автора в попытках опровергнуть конкретную критику. До сих пор ни в одной из своих работ Л.Д.Поболь не ответил на серьезные замечания в рецензии на предыдущие книги (Каспарова, Мачинский, Щукин 1976), не привел аргументы в защиту своих положений, в том числе по хронологии зарубинецкой культуры и ее этапов, по этногенетическим построениям, подвергнутым крити-

ке. За это время появились новые исследования как по Чаплину, так и по полесским могильникам. Их игнорирование не усиливает позиций Л.Д.Поболья.

Безусловно, нельзя не согласиться с А.Г.Митрофановым, что первая часть работы научной ценности не имеет. Все сделанные (как и «оставшиеся за кадром») замеча-

ния по книге в целом подтверждают, что использовать ее как справочное издание небезопасно: слишком велико недоверие к помещаемой там информации.

Публикация статьи Л.Д.Поболья, по моему мнению, нецелесообразна — она не представляет никакого интереса и не опровергает рецензию на его книгу.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Л.В. 1955. Полевой отчет за 1955 г. Научный архив ИИ АН БССР.
- Алексеев Л.В. 1959. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Труды Прибалтийской экспедиции. Т.1. М.
- Ганжын А. 1927. Мястэчка Чачэрск Гомельскай акругі // Наш край. №1(16).
- Глаценок В. 1930. Некоторые з помнікаў Асвейскага раена // Наш край. №3(54).
- Гуревич Ф.Д. 1958. О длинных и удлинненных курганах в Западной Белоруссии // КСИИМК. Вып.72.
- Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. // САИ. Вып.ДІ-12. Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М.1962.
- Дуниц Л.В. 1982. Археологические памятники северо-запада Полоцкого княжества. Автореф. канд. дисс. Вильнюс.
- Дуниц Л.В.1977. Полевой отчет за 1977 г. Архив ИИ АН БССР.
- Дуниц Л.В.1981. Полевой отчет за 1981 г. Архив ИИ АН БССР.
- Дуниц Л.В. 1982а. Курганная группа у дер. Кублицино (А1)
- Егорейченко А.А. 1979. Полевой отчет за 1979 г. Архив ИИ АН БССР.
- Егорейченко А.А. 1982. Поселения Белорусского Полесья в раннем железном веке (VI в. до н.э. — II в.н.э.). Автореф. канд. дисс. М.
- Каспарова К.В., Мачинский Д.А., Щукин М.Б. 1976. (рец.) Л.Д.Поболь. 1976. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, 1973, 1974 // СА. №4.
- Кухаренко Ю.В. 1961. Памятники железного века на территории Полесья. САИ. Вып. Д I — 29. М.
- Кухаренко Ю.В. 1964. Зарубинецкая культура. САИ. Вып.ДІ-19. М.
- Лявданский А.Н., Коваленя Д.В. 1936. Материалы по обследованию р. Сож в 1936 г.: Дневник // Архив отдела археологии ИИ АН БССР.
- Мельниковская О.Н. 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.
- Митрофанов А.Г. 1967. Полевой отчет за 1967г. Научный архив ИИ АН БССР.
- Митрофанов А.Г. 1971а. Полевой отчет за 1971 г. Архив ИИ АН БССР.
- Митрофанов А.Г. 1978. Железный век средней Белоруссии. Минск.
- Описание церквей и приходоу Минской епархии. Приложение к Минским епархиальным ведомостям за 1879 г. Минск. 1879.
- Опросный лист Наркомпроса БССР. 1924. // Архив ИИ АН БССР.
- Отчет Археологической комиссии за 1903 г. СПб.1904.
- Палікарповіч К.М. 1928. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа (матэрыялы абследавання 1927 г. // Працы. Т.1.
- Поболь Л.Д. 1973. Славянские древности Белоруссии. Минск.
- Поболь Л.Д. 1974. Славянские древности Белоруссии (Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н.э. по начало II в.н.э.). Минск.
- Поболь Л.Д. 1983. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск.
- Покровский Ф.В. 1893. Археологические экскурсии по Виленской губернии. Вильна.
- Покровский Ф.В. 1895. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии // Труды IX Археологического съезда. Т.1.
- Покровский Ф.В. 1899. Археологическая карта Ковенской губернии // Труды X Археологического съезда. Т.3.
- Романов Е.Р. 1908. Старина доисторическая Северо-Западного края. Вильна.
- Романов Е.Р. 1910. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-западного отделения Русского географического общества. Кн. 1. Вильна.
- Сапунов А. 1893. Река Западная Двина. Витебск.
- Сапунов А., Друцкий-Любецкий В. 1896. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. Витебск.
- Сведения 1873 г. о городищах и курганах. Могилевская губерния // ИАК. Вып.5.
- Семенов В.П. 1905. Россия: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Т.9. СПб.
- Штыхов Г.В. 1967. Полевой отчет за 1967 г. Научный архив ИИ АН БССР.
- Штыхов Г.В. 1971. Археологическая карта Белоруссии. Минск. Вып.2.
- Baliński M., Lipiński T. 1850. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym. Warszawa 1850. — Т.III; 1886. — Т.IV.
- Holubowiczowie H. i W. 1940. Wykopaliiska na Wileńszczyźnie w latach 1938 i 1939. Wilno.
- Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Т.I-XII.-1880 -1892.